

Му Юньи находился на Пике Сотни Трав уже довольно давно. Все эти дни тот невероятно красивый старший сородич Ло Сяо больше не появлялся, лишь приказав передать ему, чтобы он как следует заботился о лекарственных полях.

Каждый день он носил воду, поливал поля, выпалывал сорняки, собирал созревшие целебные травы и духовные фрукты, переносил их в хранилище или отправлял на другие пики — словно обычный внешний ученик, выполняющий любую чёрную работу.

Но Му Юньи не обращал на это внимания: до прихода в Секту Юньцзун он тоже часто занимался подобным трудом. Больше всего его волновало другое — казалось, старший сородич Ло Сяо невзлюбил его. Когда же ему удастся снова увидеть старшего брата?

Закончив в тот день работу, он обнаружил мёртвую оленю — казалось, она пала совсем недавно, тело ещё не остыло.

На Пике Сотни Трав ученикам запрещалось лишать жизни живые существа, а ученики, еще не прошедшие пигу, ходили за едой в общую столовую.

Появление этой оленины выглядело весьма странно: она возникла буквально из ниоткуда. Подобные духовные олени обычно не водились в таких местах, к тому же их было крайне сложно поймать. Даже изголодавшиеся внешние ученики не стали бы охотиться на такого зверя. На Пике Сотни Трав, помимо достопочтенного наставника, поймать его мог разве что...

В голове Му Юньи возник образ безупречно прекрасного мужчины в белых одеждах и сапогах. Неужели это старший брат? Но зачем ему понадобилось ловить оленя? Неужели он захотел поесть?

Да быть того не может. Тот холодный, надменный и благородный человек, казалось, питал отвращение к любой мирской пище, словно небожитель. Разве это возможно?

Поначалу Му Юньи засомневался, но всё же забрал тушу в кухню, чтобы разделать.

Он прождал до самого вечера, однако никто так и не появился. Му Юньи немного огорчился: неужели он ошибся в догадках?

— Какая наглость! Ты лентяйничаешь!

Едва эта мысль промелькнула в его голове, как перед ним возникли знакомые белые сапоги и раздался холодный голос.

Му Юньи обрадовался, вскинул голову и действительно увидел перед собой безупречно красивое лицо. Он мгновенно просиял:

— Старший брат Ло Сяо!

Старший брат пришёл навестить его!

Заметив это сияющее радостью лицо, Ло Сяо на мгновение замер. Тот действительно так сильно рад его видеть?

Его глаза слегка похолодали, а в выражении лица проступила неприязнь:

— Ты всю работу переделал?

Му Юньи кивнул, глядя на прекрасное лицо старшего брата, и его сердце забилося быстрее:

— Старший брат, те пять му лекарственных полей, за которыми ты велел мне присматривать, я обрабатываю со всей тщательностью. В зоне духовных фруктов я уже собрал урожай с трёх му, а сорванные фрукты отправил на остальные пики.

Ло Сяо холодно бросил:

— Всего духовных фруктов сотни му, а ты собрал только три и уже собрался бездельничать?

Му Юньи кивнул:

— Да, скоро я снова пойду собирать урожай.

Придя сюда, он даже не заикнулся о духовном олене — значит, зверь и впрямь оказался здесь по воле старшего брата.

Ло Сяо мысленно выругался. Перед ним стоял настолько легко уязвимый, глупый главный герой, что все заготовленные в животе злобные слова застряли в горле и не шли на язык.

Заметив, что он молчит, Му Юньи испугался, что сболтнул что-то лишнее и разгневал старшего брата. С трепетом в голосе он произнёс:

— Старший брат, я как раз приготовил немного еды, не хочешь отведать?

Ло Сяо бросил на него ледяной взгляд, с полным презрения выражением лица:

— Разве эти мирские помои достойны моих уст?

Му Юньи растерянно моргнул:

— Тогда... я выброшу их.

Выражение лица Ло Сяо мгновенно помрачнело:

— Не смей переводить еду!

Время незаметно шло вперёд.

Сидя на ветке грушевого дерева среди духовных полей, Ло Сяо уплетал фрукт и в упор смотрел на тушу упитанного духовного оленя. Его прекрасные глаза, способные свести с ума любого, излучали вождение и жадность.

Побывав во множестве миров, он больше всего любил фэнтези-миры с элементами совершенствования. Пища там — будь то растения или животные — обладала превосходным вкусом, а главное, поражала разнообразием видов. Жареное на гриле или на сковороде мясо было просто великолепно.

Но в то же время Мир совершенствующихся приносил Ло Сяо немало мучений. Из-за навязанной ему роли — будь то праведный младший брат главного героя или злой, вечно затевающий ссоры второстепенный персонаж — он всегда должен был оставаться возвышенным святым небожителем, чуждым мирской суеты. Ему не полагалось ходить в столовую для учеников и тем более спускаться с горы ради дополнительных перекусов.

Конечно, он не собирался отказываться от гастрономических удовольствий: поиск уединённого места, где можно было бы поесть в тишине, стал его привычкой. Была лишь одна загвоздка — из-за особенностей кулинарных навыков он не мог готовить мясо и довольствовался одними лишь духовными фруктами.

Но сколь бы вкусными ни были фрукты, они не могли утолить его страсть к мясу.

Особенно когда перед ним крутелось столько аппетитной живности. Притворяясь холодным и отрешённым заклинателем, он грыз фрукты и сгоражал от вождения, глядя на зверей: эта часть туши отлично подойдёт для тушения в соевом соусе, та — для запекания в пряностях, а если зажарить её во фритюре, получится просто объедение.

Увидев, как сильно он тоскует по мясу, Система подсказала ему выход:

— Хозяин системы, вы можете поручить это главному герою.

Глаза Ло Сяо ярко вспыхнули: кулинарные способности главного героя были на высоте!

Ведь именно благодаря своему искусству готовки главный герой сумел покорить сердце своего истинного, чуждого земной суете наставника. Сама мысль о том, что прославленный главный герой будет стряпать для него, злобного второстепенного персонажа, заставила Ло Сяо, столько сил отдавшего ради главного героя и павшего за него, испытать прилив трепета.

Оказывается, угнетать главного героя в роли злодея имеет свои преимущества.

Только вот как сохранить образ холодности и неприступности, заставляя главного героя готовить для него? Нельзя же заявить об этом напрямую.

Система, безгранично балующая своего хозяина, шепнула ему:

— Хозяин системы, вы можете поступить следующим образом...

Время вернулось в настоящее, в тесную кухню.

Холодный и отстранённый, словно небожитель, красавец сидел за столом и с бесстрастным лицом уплетал аппетитные блюда, испускавшие невероятный аромат.

Му Юньи стоял рядом и наблюдал за ним.

Он не знал вкусовых предпочтений старшего брата, поэтому приготовил всё, что умел, и теперь ждал оценки.

Однако старшему брату, казалось, было некогда говорить: его палочки для еды вихрем подцепляли с тарелок мясные ломтики и отправляли их в манящие алыми губами уста. Мужчина ел с бесстрастным выражением лица, но яркий блеск в его глазах красноречиво свидетельствовал о том, насколько сильно он доволен едой.

Му Юньи с облегчением выдохнул: главное, чтобы старшему брату нравилось.

Успокоившись, он принялся любоваться тем, как прекрасный мужчина наслаждается трапезой.

С самого детства он рос в глухой деревне, где люди ели без всяких церемоний — быстро, шумно и с грубым чавканьем. Покинув родные места, он повидал немало красивых людей с изящными манерами, но никто из них не мог сравниться со старшим братом. Ему еще никогда не доводилось видеть человека, который ел бы настолько эстетично.

Настолько красиво, что отвести взгляд не было сил.

Мужчина ел очень быстро — ничуть не медленнее тех деревенских жителей, но издаваемые им звуки едва улавливались, напоминая лишь тихое шуршание.

Изящно, благородно, красиво, словно ожившая картина.

С каждым новым движением палочек те прекрасные глаза сияли всё ярче, словно в них

рассыпалось ночное звёздное небо — ослепительно и неотразимо.

Сердце Му Юньи колотилось о грудную клетку. Бабушка говаривала, что стряпню того или иного повара можно подавать лишь членам собственной семьи.

Он поднял взгляд на мужчину за столом, затем снова опустил глаза. Кончики его ушей порозовели, а сердце забилось ещё быстрее.

Он... он хотел бы всегда готовить еду для старшего брата...

Опустошив большую часть из семи стоявших на столе блюд, Ло Сяо донельзя довольный погладил себя по животу и уже собирался шумно отрыгнуть, как вдруг заметил стоявшего рядом и неотрывно глядящего на него главного героя. Он с трудом подавил рвущийся наружу звук.

Утолив земные желания и вновь приняв царственный, холодный и отстранённый вид, молодой господин Ло Сяо с равнодушным выражением лица бросил короткий взгляд на покрасневшего юного главного героя. Неторопливо поднявшись, он так же неторопливо зашагал прочь, собираясь величественно раствориться вдали, как вдруг прозвучало:

— С-старший брат. Му Юньи торопливо окликнул его. Ло Сяо мгновенно насторожился: не думай, что сможешь подкупить меня какой-то едой! Как выдающийся исполнитель заданий, он не собирался поддаваться так легко, для этого потребовалось бы... по меньшей мере два обеда.

Му Юньи покраснел и посмотрел на него:

— Старший братец, ты любишь фруктовое вино? Я, я умею делать фруктовое вино.

Глаза Ло Сяо загорелись. Конечно любит! Он больше всего на свете обожал сладковатое фруктовое вино.

— Тц, разве фруктовое вино — это что-то стоящее?

Снаружи пренебрежительно кивнув, он немного подумал и добавил:

— Навари побольше.

В конце концов, его задание состояло в том, чтобы издеваться над людьми, и ему больше не нужно было нянчиться с главным героем, как какой-нибудь мамаше, так что свободного времени у него было предостаточно. Если он запаслась побольше вина, то в будущем, когда главный герой начнет его ненавидеть, он всё еще сможет наслаждаться простыми радостями жизни благодаря своим запасам.

Му Юньи густо покраснел и кивнул.

Глядя на него, Ло Сяо снова озадачился, совершенно не понимая, чему тут радоваться. Разве угнетаемый человек не должен испытывать гнев и печаль?

Вернувшись в Зал Ста Трав, к нему подошел один из учеников и передал, что наставник вышел из затворничества и велел ему явиться.

Его дармовой наставник вышел из «затворничества»?

Хотя это и называлось затворничеством, на самом деле наставник занимался алхимией, а создание высококлассных пилюль по полмесяца — обычное дело.

Ло Сяо почувствовал легкую неловкость: пока его так называемый наставник предавался затворничеству, он успел найти ему нового младшего ученика...

Подойдя к покоям Цзуй Ифэна, Ло Сяо постучал в дверь и услышал донесшийся изнутри мягкий голос:

— Войди.

Ло Сяо вошел внутрь и увидел главного героя-небожителя этого мира.

Стоило признать, что внешность омеги, способного затмить всех женщин и исполнять роль главной героини в мире литературы для мужчин, действительно была выдающейся. Высокая и стройная, словно выточенная из нефрита фигура; водопад чёрных волос, собранных на макушке нефритовой шпилькой; брови, подобные далёким горным вершинам; а под светлыми глазами — едва заметная родинка, придававшая его мягким чертам лица неуловимую притягательную яркость. Высокий прямой нос, слегка сжатые тонкие губы и кожа настолько белая, что она казалась ещё белее зимнего снега.

Он был облачён в бледно-зелёные одежды с вышитыми на них изящными стеблями зелёного бамбука. От него веяло бессмертной грацией, а сам он обладал отрешённым и безмятежным темпераментом.

Его длинные волосы развевались на ветру, а в мягком изгибе бровей и глаз читалось весеннее, ласковое тепло.

Всего один взгляд — и Ло Сяо мгновенно понял, почему в него влюбились и прежний владелец тела, и Му Юньи.

Да, всё верно: в Цзуй Ифэна влюбился не только главный герой, но и прежний Ло Сяо тоже питал чувства к своему наставнику. Именно поэтому он впоследствии так сильно завидовал Му Юньи и окончательно встал на путь саморазрушения, с которого уже не было возврата.

Постоянно находясь рядом с таким красивым и отрешённым от мирской суеты человеком, мужчина с нетрадиционной ориентацией едва ли смог бы устоять перед искушением.

Ло Сяотельно поклонился:

— Приветствую, Учитель.

Не упустив восхищения, мелькнувшего на дне ученических глаз, Цзуй Ифэн легко усмехнулся:

— В чём дело? Всего несколько дней не виделись, а ты уже перестал узнавать наставника?

До чего же он нежный.

Ло Сяо мысленно вздохнул, но вслух ответил:

— Нет, просто ваш ученик совершил ошибку.

В Мире совершенствующихся строго почитали моральные устои. Отношения между учителем и учеником приравнивались к отцовско-сынским, а романтическая связь между ними считалась запретным кровосмешением, которое презиралось всем Миром совершенствующихся.

Прежний владелец тела прекрасно это осознавал: если бы кто-нибудь раскрыл его чувства к Цзуй Ифэну, последовавшие за этим волны презрения и ругани потопили бы их обоих.

Прежний Ло Сяо не боялся нападок на самого себя, но не мог вынести и мысли о том, что его безупречный, подобный небожителю учитель пострадает из-за него и станет мишенью для людских оскорблений.

Поэтому он глубоко в сердце схоронил эту тайную страсть. И поскольку он не мог открыто признаться в своих чувствах, характер прежнего владельца тела становился всё более мрачным и холодным. С учителем он держался точно так же отстранённо, как и со всеми остальными. Разумеется, перед посторонними он просто не любил разговаривать и сближаться с людьми, но та холодность, с которой он обращался к Цзуй Ифэну, была вызвана лишь невыносимой болью от подавляемых чувств. И прежний владелец тела действительно превосходно всё скрывал. За исключением Му Юньи, которого он сам в дальнейшем довел до почернения и который случайно раскрыл его тайные помыслы, никто не догадывался о его чувствах. Даже Цзуй Ифэн всегда воспринимал его лишь как ребенка.

Цзуй Ифэн не обращал внимания на прохладность ученика и лишь с улыбкой произнес:

— О? И в чем же ты провинился?

Ло Сяо слегка смутился и ответил:

— Я... я самовольно взял для Учителя ученика.

Про себя же он горько рыдал: откуда ему было знать, что маленький главный герой согласится!

Глядя на редкое смущение, промелькнувшее на холодном лице младшего ученика, Цзуй Ифэн

в глубине глаз поймал несколько искорок веселья и сказал:

— Не прошло и нескольких дней моего уединения, как ты уже завел мне ученика — какая дерзость! Раз у тебя столько свободного времени, ты уже прочел все книги, что я тебе задал?

Тело Ло Сяо мгновенно оцепенело. Заметив эту реакцию, Цзуй Ифэн улыбнулся еще шире, подошел к письменному столу, опустил на стул и произнес:

— А теперь давай-ка Расскажи мне наизусть Сборник Сотни Трав и Записки о тысяче способов.

Ло Сяо: «.....»

Ему хотелось платить белугой, он мысленно умолял о пощаде.

Видя его состояние, Цзуй Ифэн не удержался от смеха и протянул руку:

— Иди сюда.

Ло Сяо, ничего не понимая, подошел, вложил свою руку в его ладонь, и тот увлек его за собой, усаживая рядом.

Цзуй Ифэн раскрыл Сборник Сотни Трав, вложил кисть ему в руку и сказал:

— Раз выучить наизусть ты не можешь, тогда придется переписывать. Перепишешь раз по десять-восемь — глядишь, и запомнишь.

При этом Цзуй Ифэн выглядел по-прежнему очень мягко, но Ло Сяо чувствовал, что его образ холодного и неприступного человека рушится на глазах. Он ненавидел переписывать книги больше всего на свете — это было так утомительно и скучно, к тому же.....

Глядя на те две толстые книги, он содрогался: десять-восемь раз? Да он и от одного раза не выживет.

— Учитель, я выучу, я буду послушно учить, только не заставляйте меня переписывать, — с кислым лицом взмолился Ло Сяо.

Даже когда этот красивый юноша сохранял бесстрастное выражение лица, в его бровях и взгляде все равно проступало нечто жалостливое, с легким оттенком каприза. От этого его ослепительная красота на мгновение словно сошла с небес в мир людей, наполняясь живым земным теплом.

Цзуй Ифэн никогда прежде не видел у него такого выражения лица и на секунду даже замер, но тут же мягко улыбнулся, потрепал его по волосам и ничего не сказал, хотя смысл был очевиден: нет.

Ло Сяо оставалось лишь с унылым лицом приняться за переписывание.

Цзуй Ифэн смотрел на хмуращегося юношу. Лицо того было поистине неповторимой красоты: еще когда Ло Сяо был совсем маленьким, Цзуй Ифэн знал, что, когда этот ученик вырастет, он несомненно станет писанным красавцем, но он никак не ожидал, что тот расцветет столь потрясающе.

Черные как смоль волосы были собраны на макушке нефритовой короной, обнажая изящную длинную шею. Кожа казалась гладкой и нежной, источая едва уловимый аромат.

Цзуй Ифэн легко коснулся пальцами его белого лица, затем завел упавшую на лоб прядь за ухо, любясь аккуратным белоснежным ушком.

Юноша посмотрел на него черными блестящими глазами, полными недоумения, и Цзуй Ифэн спросил:

— Что ты только что ел?

Лицо Ло Сяо окаменело, после чего он снова уткнулся носом в работу:

— Ни... ничего особенного.

— Ах ты маленький обжора, забыл, чем занимается твой Учитель? И посмел его обмануть, — в глазах Цзуй Ифэна плясали веселые искорки. Он легко щелкнул Ло Сяо по лбу и добавил: — Ты уже вступил в период Пигу, земной пищей питаться нельзя.

Ло Сяо сгорал от стыда. Он совсем забыл, что у Цзуй Ифэна, как у опытного алхимика, потрясающе тонкое обоняние. Стоило тому принюхаться — и его тайные пирушки тут же вывели на чистую воду.

В следующий раз, устраивая тайный перекус, он непременно обязан тщательно замечать следы, чтобы этот учитель с носом ищейки ничего не обнаружил.

Глядя на смущенное лицо младшего ученика, Цзуй Ифэн улыбнулся еще нежнее.

<http://bllate.org/book/21604/2228050>